

А.А. Немировский, П.Е. Прокопьева

**МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ
ЭПОСА О ХАЛАНДИНЕ**

Москва

2017

УДК 930.24

ББК 63. 3(0)31

Немировский Александр Аркадьевич, Прокопьева Прасковья Егоровна.

Материалы для изучения эпоса о Халандине. – М., 2017.

Монография сводит воедино разновременные, иногда трудно-доступные публикации и ранее не публиковавшиеся записи верхне-колымских юкагирских преданий о Халандине, дополняя их рядом наблюдений и комментариев. Работа рассчитана на читателей, интересующихся культурой и историей юкагиров, фольклорными традициями и этнической историей Сибири и Дальнего Востока, архаическими эпосами. Печатается в авторской редакции.

Рецензенты:

д.ф.н. С.Ю. Неклюдов (РГГУ)

к.и.н. Л.Н. Жукова (ИГИИПМНС СО РАН)

н.с. В.И. Шадрин (ИГИИПМНС СО РАН)

ISBN 978-5-4465-1621-6

© Соавторы, 2017

ОТ АВТОРОВ

Исследования юкагирского фольклора в последние десятилетия активно развиваются¹, в научный оборот введено множество записанных в разное время текстов. К их числу относятся предания лесных (верхнеколымских) юкагиров о Халандине (Халадыле; имя имеет несколько вариантов, см. ниже, с. 6 сл.) – герое борьбы с иноплеменниками, прочно закрепившемся в исторической памяти своего народа. Эти предания записывались начиная с 1890-х гг. по настоящее время (В.И. Иохельсоном, А.П. Лаптевым, Л.Н. Жуковой, О.С. Чернецовым, П.Е. Прокопьевой, И.А. Николаевой, З.А. Дмитриевой). Хотя в материалах В.И. Иохельсона есть всего один рассказ о Халандине [Иохельсон 1900 № 54] (записан в 1896 г.), следующая по времени запись относится уже к 1959 г. [ФЮВК 1989 2. № 50], а все прочие известные тексты записаны после 1985 г., по их многочисленности и сравнительному содержанию видно, что речь идет о традиции, устойчиво и широко бытовавшей уже в прошедшие столетия, и лишь в силу несистематичности сбора юкагирского фольклора эта традиция в течение первых 90 лет ее фиксации оказалась представлена всего двумя одиночными записями (1896 и 1959 гг.)².

Рассказы о Халандине крайне интересны, так как представляют собой целую группу различных сюжетов и вариантов, приближающихся по жан-

¹ Основные публикации материала и исследования: Матюшкин 1824; Иохельсон 1898б; Иохельсон 1900; Jochelson 1926 = Иохельсон 2005; Сказки народов Северо-Востока 1956: 249–264; Юкагиры 1975: 193–242; ФЮВК 1989 1–2; Жукова, Прокопьева 1991; Лунное лицо 1992; Хозяин земли 1994; Nikolaeva 1997; Nikolaeva 2000; Maslova 2001; Курилов 2005; Прокопьева 2005; ФЮ 2005; Бурыкин 2006; Курилов 2007; Жукова 2008; Иохельсон 2008; Прокопьева 2008; Прокопьева 2009а; Прокопьева 2009б; Заветный фольклор 2009; Жукова 2010; Шадрин 2010; Жукова 2011а; Жукова 2011б; Прокопьева 2011а; Прокопьева 2011б; Прокопьева 2011в; Жукова 2012а; Жукова 2012б; Прокопьева 2012а; Прокопьева 2012б; Прокопьева 2012в; Zhukova 2013; Прокопьева 2013; Жукова 2014а; Жукова 2014б; Прокопьева 2014; Zhukova 2014; Zhukova 2015; Жукова 2015; Прокопьева 2015а; Прокопьева 2015б; Прокопьева 2016а; Прокопьева 2016б.

² При этом, как обычно для фольклора, предания о Халандине могут и воспроизводить в настоящем времени формулировки, потерявшие актуальность еще два и более века назад (с. 62, прим. 64), и утрачивать еще недавно памятные и важные элементы (см. с. 44, прим. 42), и включать анахроничные для сюжета детали, вставленные в предания через века после их формирования, под впечатлением от новых исторических реалий (см., например, с. 27, прим. 20; с. 44, прим. 43; с. 62 сл., 72), и инкорпорировать элементы инокультурного фольклора (например, олень золотые рога в рассказе XI ниже, см. с. 58, прим. 61).

ру к богатырскому эпосу и говорящих об одном и том же герое. Можно думать, что цикл преданий о Халандине занимал в фольклорной традиции верхнеколымских юкагиров важное место, сравнимое с местом эпической традиции об Эдилвэе [ФЮ: 126–191] в культуре тундренных алазейско-нижнеколымских юкагиров³. Эти циклы сближаются некоторыми своими чертами и тематически: в обоих случаях речь идет о герое, отражавшем натиск пришельцев-иноплеменников, в обоих случаях большое внимание уделяется вопросу о том, каковы должны быть пределы этически оправданного насилия по отношению даже к чужакам и/или врагам⁴, и герой «своей» стороны может вызывать упреки и осуждение за нарушение этих пределов. Сама постановка вопроса о чрезмерном применении силы к чужеплеменникам и врагам и о необходимости соблюдать здесь определенные границы – весьма специфическая черта, свойственная лишь немногим эпическим традициям мира. Принимая во внимание, что предания об Эдилвэе и Халандине явно развивались независимо друг от друга (сюжеты у них совершенно разные, влияние одной группы преданий на другую или общие корни как будто не прослеживаются; сходные черты проявляются лишь в общих подходах сказителей и их аудитории к этическим вопросам и в том, какие этические и событийные коллизии привлекают наибольшее внимание), указанные черты сходства заставляют задуматься, не идет ли здесь речь об общих тенденциях юкагирских богатырских эпосов, предопределенных характером общеюкагирской культуры.

Предания о Халандине публиковались в разное время в разнородных изданиях (от академических работ до СМИ), нередко труднодоступных, а некоторые их записи до сих пор остаются неопубликованными. Представляется полезным поэтому свести все известные опубликованные и некоторые не публиковавшиеся рассказы о Халандине в одной (ре)публикации, снабдив их рядом комментариев. Этот свод представлен читателям ниже в качестве материала, удобного, как мы надеемся, для дальнейшего использования специалистами-юкагироведами и эпосоведами.

Из двенадцати приведенных ниже на русском языке текстов о Халандине два текста (I, VIa) имеют также юкагироязычные оригиналы (у текста I – опубликован, у текста VIa – нет), четыре текста (II – IV, XI) имеют параллельные юкагироязычные версии (у текстов II, III, IV – опубликованы, у текста XI – нет); еще один текст (VI) имеет опубликованный юкагирский перевод, выполненный носителем юкагирского языка и тра-

³ Термин «цикл» мы применяем к преданиям о Халандине лишь предваритель-но, с известной долей условности – весьма вероятно, что речь идет не о цикле преданий, а о вариантах одного предания, см. подробно с. 100–103.

⁴ В отношении преданий о Халандине см. об этом подробно ниже, с. 78–82, 87 слл.; в отношении эпоса об Эдилвэе см. [ФЮ: 167, 169, 177, 179, 181, 191], ср. [Немировский 2017].

диции (прим. 23). Все эти юкагиорязычные тексты принадлежат, разумеется, колымскому юкагирскому языку (он же – язык лесных юкагиров, происходящих от потомков верхнеколымских юкагиров-когимцев XVII в. и слившихся с ними групп). В настоящей работе они указываются, но не приводятся: академическое издание преданий о Халандине с параллельными юкагирскими текстами (подобно тому, как изданы сказания об Эдилвэе [ФЮ: 126–191, 465–475]) – дело будущего.

Приносим глубокую благодарность Л.Н. Жуковой за предоставление ряда записей для публикации, уточнение сведений об исполнителях и обсуждение ряда сюжетов.

*К ДАТИРОВКЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ЯДРА
ПРЕДАНИЙ О ХАЛАНДИНЕ*

Прежде чем перейти к самим текстам, необходимо привести общую краткую характеристику преданий о Халандине и возможную датировку событий, образующих их историческое ядро. Главное содержание преданий о Халандине – то, что в пору его жизни начались/продолжались набеги чужеземных врагов на верхнеколымских юкагиров (в подавляющем большинстве вариантов преданий, как и в надежно реконструируемой исходной их форме, эти враги – коряки, см. с. 61 сл.), и он сыграл решающую роль в их отражении и пресечении⁵.

Имя «Халандин» не имеет известной юкагирской этимологии. Вероятно, этим и объясняется многообразие вариантов этого имени в преданиях: Халандин, Халантин, Халанчин, Халадьил [=«Халаджил» в транскрипции В.И. Иохельсона, см. с. 20, прим. 15], Аландин, Алантин, Аланчин, – видимо, сами верхнеколымские юкагиры утратили представление о том,

⁵ У верхнеколымских юкагиров, особенно у их коркодонской группы, сохранились и не упоминающие Халандина предания о взаимоотношениях с коряками, в том числе о той же борьбе с набегами коряков и их прекращении [ср. Иохельсон 2008: 302–303]. Согласно традиции, передаваемой ясачненским юкагиром Н.И. Спиридоновым – Тэки Одулоком, «до прихода ламутов коряки укрепились в районе одулов на Шайдане, Коркодоне и Талбу. Иногда даже, миновав коркодонских юкагиров, они появлялись на верховьях р. Поповки и Ясачной» [Спиридонов 1930/1996: 15; Прокопьева 2011а]. П.Е. Прокопьева и А.Е. Прокопьева записали дошедший от коркодонских юкагиров рассказ о том, что в прошлом юкагиры воевали с коряками, но потом эти войны прекратились. «Он [коркодонский юкагир Н.Н. Дьячков] говорил: “Я тебя [информанта, потомка коркодонских юкагиров А.С. Шохина] когда-нибудь свожу на то место, где возьмешь стрелу, а она в руках рассыпается от старости”. <...> Чаше они, говорит, побеждали, коряки. Воинственные были, лучше воевали, оружия больше было, сами приходили, молодые все, здоровые, на оленях...»; затем, по рассказам коркодонских стариков в передаче А.С. Шохина, «войны [с коряками] не было, просто согласие обоюдное было. <...> Они что-то привозили свое, то, что мы не имели» [Прокопьева 2011а]. Законченное верхнеколымское юкагирское предание о трех первых нашествиях коряков, не упоминающее Халандина, дошло в составе рассказов Н.М. Лихачева о Халандине (см. ниже, с. 28 сл., 32 сл., 76 сл.). Некоторые другие верхнеколымские предания о борьбе с коряками: Жукова, Прокопьева 1991 № 14: 155–156 = Nikolaeva 1997 № 61: 61 ф., 132, пересказ в: Хозяин земли 1994: 84; Иохельсон 1900 № 51: 124–126, пересказ в: Хозяин земли 1994: 87 сл.; Иохельсон 1900 № 56: 138–139; Иохельсон 2005: 372 сл., пересказ в: Хозяин земли 1994: 85 сл.; набег коряков упоминается также в: Иохельсон 1900 № 65 [рассказ о Пакостнике]: 160–161. Нападение коряков как типичная угроза фигурирует даже в комическом сюжете о трех глупых братьях [ФЮ: 391], а в одном из юкагирских вариантов комического сюжета о женщине, обманувшей черта, вместо черта выступают коряки [Жукова, Прокопьева 1991. № 20: 158 сл.; ср. иной вариант в ФЮВК 1989 1: 74–77, где в этом месте фигурирует именно черт].

какое слово образует основу этого имени и что оно означает, и запоминали его просто как звукосочетание, а потому оно и получало при многократной передаче из уст в уста разные формы. Такое имя могло быть и чужезычным, заимствованным в юкагирский язык, и юкагирским, образованным от вышедшего из употребления и забытого слова или просто уже неясным. По словам В.Г. Шалугина (см. ниже, с. 53, X.14), Халандин – прозвище, вероятно, иноязычное, с возможным значением «грабитель, захватчик добычи», а истинное имя Халандина неизвестно (см. с. 53, прим. 50).

Подчеркнем, что невозможность этимологизировать то или иное имя по известным нам материалам юкагирского языка еще не означает, что это имя действительно не юкагироязычное: немалая доля юкагирских слов XVII – XVIII вв. попросту забыта и нам неизвестна. В свою очередь, если некое имя определено не принадлежит юкагирскому языку, это еще не говорит о том, что его носитель не является юкагиром, т.е. членом юкагирской территориально-родовой группы или его удержавшим этничность потомком. Во-первых, имена вообще часто заимствуются от иноэтничных соседей, и как раз юкагиры в этом смысле были весьма переимчивы: так, верхнеколымский юкагир XVII века Криворот Мотоков (см. с. 79, прим. 79) вошел и в русские документы того же века (где фиксировалось то имя, которым данный юкагир называл сам себя и которым его называли другие юкагиры), и в юкагирский фольклор именно под именем «Криворот», то есть под своим русским прозвищем, а его юкагирское имя не попало ни в документы, ни в фольклор. Во-вторых, в состав юкагиров неоднократно вливались представители разных этносов вместе со своими именами – и группами, и индивидуально (в последнем случае – как принятые в тот или иной юкагирский род в качестве брачных партнеров, или просто приселенцев, или в качестве пленных, потом включенных в этот род). Как бы то ни было, существование имени «Халандин» в каких-то его вариантах у верхнеколымских юкагиров удостоверяется русским учетом, по которому в 1811 г. некий «Аланчин» возглавлял Рыбников род верхнеколымских юкагиров⁶ [Гурвич 1966: 139; здесь это, впрочем, скорее фамилия на -ин, а не собственно имя].

Одни рассказы приурочивают деятельность Халандина к долине р. Мамота (Мамонтова, левый приток Ясачной), другие – к долине р. Омудевка (другой левый приток Ясачной), однако оба эти приурочения могут быть вторичными (см. подробно ниже, с. 93); по происхождению Халандина иногда относят к омонгонской группе верхнеколымских юкагиров (см. ниже, с. 92, 94 слл.), но и это может быть позднейшим домышлением.

⁶ Этот род обитал на р. Поповка/Ньяатпэн; «Рыбниковым» он назывался в русском переводе его родового самоназвания – *Анид-омок*, «Рыбий род», а территориальное его самоназвание было *ньяатпэн-ды*, «люди с реки Ньяатпэн».

Некоторые рассказчики сообщают примерные датировки жизни Халандина, но датировки эти совершенно разные (см. ниже, с. 29, прим. 22). По словам Н.М. Лихачева, Халандин действовал против коряков лет через шесть после войны юкагиров с коряками, имевшей место около «1860 г.» (V.5⁷), а по другому его сообщению, Халандин, вероятно, умер, когда он сам, Н.М. Лихачев, и его сверстники были детьми (VIa.6), что дает по сути ту же самую датировку жизни Халандина (Н.М. Лихачев родился в 1916 г., Халандин же, по ряду преданий, умер в глубочайшей старости, по X.16 он был крепок еще и в возрасте 80 лет; с учетом этого информация Н.М. Лихачева в VIa.6 задает время жизни Халандина примерно как 1830-е/1840-е – 1920-е гг., а это вполне совместимо с участием Халандина в борьбе с коряками в конце 1860-х гг. по сообщению Н.М. Лихачева в V.5). По В.Г. Шалугину, Халандин жил «лет 200 назад» (X.16), т.е. в конце XVIII в., но в другом своем рассказе тот же В.Г. Шалугин делает Халандина учеником Атыляхана (IX.1, 3, 5); вероятно, это упоминающийся в юкагирских преданиях Атыляхан, сын Табушкана (Таушкана), реального исторического лица, основателя верхнеколымского юкагирского рода *Чолъоро* (Заячьего/Ушканского; полное самоназвание *Чолъород-омок* «Заячий род»)». Табушкан приходился предком в 6-м колене князю верхнеколымских юкагиров исхода XIX в. [Иохельсон 1900: 90, прим. 22] и упоминался в русских документах как лицо, действовавшее в 1678 г. (еще как один из представителей Нартицына рода верхнеколымских юкагиров) и ок. 1700 г. (уже как «омолонский Таушкан», «омолонский Ушкан», глава собственного, т.е. Ушканского рода, выделившегося, как видно, из Нартицына) [Долгих 1960: 417, с прим. 219]. Тем самым время жизни

⁷ Здесь и ниже индексы вида «V.4» отсылают к соответствующим блокам внутри помещенных нами текстов преданий о Халандине, см. с. 19.

⁸ Сам рассказчик, В.Г. Шалугин, оговаривал, что не знает, кем был описываемый им Атыляхан, наставник Халандина, по племенной принадлежности (см. с. 44, прим. 43), и не приводил его семейно-родовых связей. Само по себе имя Атыляхан появлялось у верхнеколымских юкагиров и независимо от Атыляхана, сына Табушкана; так, Н.И. Спиридонов – Тэки Одулок упоминает, что такое же имя носил его отец: «Отца моего звали Атыляхан Иполун, он был юкагир из рода Чолгородие, то есть заячьих людей» [Тэки Одулок 1987: 19] (интересно, что *оба* названных Тэки Одулоком имени фигурируют в предании о взаимодействии Атыляхана, сына Табушкана, с пришедшими на Колыму русскими: один из юкагиров, сопровождавших этого Атыляхана к русским, именуется Иполло [Иохельсон 1900: 86]). Таким образом, категорической уверенности в том, что в сюжете, излагаемом В.Г. Шалугиным, подразумевался именно Атыляхан, сын Табушкана, нет. Однако некоторые соображения делают эту идентификацию наиболее вероятной (см. с. 106 слл.) и, независимо от этого, требуют считать, что незнание В.Г. Шалугиным племенной принадлежности героя его же рассказа – Атыляхана – было плодом разрушения традиции, а в исконной ее форме этот Атыляхан считался юкагиром.

Атыляхана, сына Табушкана, приходится на начало XVIII в., а Халандин как ученик Атыляхана (если это тот же Атыляхан, что весьма вероятно, см. прим. 8) оказался бы уже персонажем первой половины XVIII в. Однако в юкагирском верхнеколымском эпосе Табушкан и его сын Атыляхан оказываются современниками первого появления русских на Колыме и первого покорения верхнеколымских юкагиров русской власти [Иохельсон 1900 № 28: 82–83], а все эти события имели место в 1640-х гг., за полвека до активности реального Табушкана. Иными словами, эпическая память юкагиров удревнила Табушкана и Атыляхана более чем на полвека сравнительно с реальной историей, поместив их на время ок. 1640 г., так что если рассматривать вслед за В.Ш. Шалугиным Халандина как ученика Атыляхана, отождествлять последнего с Атыляханом, сыном Табушкана, и вместе с тем учитывать указанный перенос последних в юкагирской традиции к моменту прихода русских на Колыму, то Халандин окажется деятелем первых же десятилетий после этого прихода, т.е. фигурой уже третьей четверти XVII в.! При этом ни сам В.Г. Шалугин в других своих рассказах, ни иные рассказчики связи между Халандином и Атыляханом не упоминают.

Ясно, что все изложенные разноречащие датировки, извлекаемые из рассказов о Халандине (третья четверть XVII в. или первая половина XVIII в.; конец XVIII в.; третья четверть XIX в.) носят неустойчивый характер и не могут сами по себе внушать какого-либо доверия; все они просто отражают, каждая на свой лад, представление о том, что Халандин жил «когда-то давно» (ср. с. 29, прим. 22).

Попробуем, однако, определить датировку исторического ядра преданий о Халандине, исходя из его содержания. Повторим, что суть традиции о Халандине – это то, что в его время происходили масштабные нашествия врагов (коряков) на верхнеколымских юкагиров, а он с этими нашествиями покончил. При этом центральный эпизод противоборства Халандина с указанными врагами, являющийся главным элементом практически всех преданий о нем, – эпизод, когда Халандин убивает пришедшего убить его вражеского богатыря, – практически постоянно излагается с одним и тем же ключевым моментом: Халандин, притворяющийся неким иным человеком, курит трубку с табаком, просит у вражеского богатыря нож якобы для ее прочистки и убивает противника этим ножом (см. ниже, с. 61 слл.). Совершенно очевидно, что этот элемент фабулы принадлежал традиции о Халандине исконно, с самого момента ее формирования, а не был привнесен в нее позже, на какой-то новой стадии ее бытования, – иначе он не мог бы занять центрального положения практически во всех рассказах о Халандине, да еще и в почти неизменном виде. Между тем курение трубки, как и табак, юкагиры переняли у русских [Иохельсон 2005:

594]⁹. Таким образом, формирование традиции о Халандине состоялось уже после прихода русских и после того, как верхнеколымские юагиры переняли у них трубки и табак, – то есть не ранее середины XVII в. В пределах второй половины XVII – XVIII вв. Халандин, соответственно, датируется в [ФЮБК 2: 77].

В середине XVII в. граница ареалов коряков и юагиров-верхнеколымцев¹⁰ проходила от верхнего Балыгычана к району истоков Коркодона; далее на восток, на верхнем Омолоне и Пенжине, лежали уже земли юагиров-ходынцев [Долгих 1960: 412, 431; карта] (см. нашу карту 1, с. 144, и с. 147 с прим. 106). Ареал оленных коряков-чавчуменов, простиравшийся от верхнего Балыгычана до верхнего Парня, реконструируется Б.О. Долгих как некое единство, граничившее на северо-западе (по выше-

⁹ Как лишний раз видно из того, что тот же В.И. Иохельсон не отмечает у юагиров трубочного курения каких бы то ни было трав отдельно от табака: из всех растительных материалов: мха, трав, листьев, корней, – вообще используемых юагирами, курят они – причем лишь с лечебными целями – только дикий чабрец, и только в смеси с табаком [Иохельсон 2005: 596 сл.]. Если бы юагиры практиковали само по себе трубочное курение каких-то растений и до контакта с русскими, а от них переняли только табак, то курение растительных материалов применялось бы юагирами и к концу XIX в. гораздо шире, – не только чабреца, не только в медицинских целях и не только в виде примеси к табаку. Тот же чабрец, теперь уже в чистом виде, без смешения с табаком, а также некую красную «корякскую траву» юагиры использовали для вдыхания дыма от их сгорания совсем иначе: сжигали на угольях и вдыхали дым [Иохельсон 2005: 597]. Из сказанного нужно заключить, что само по себе вдыхание дыма от горящих или тлеющих растительных материалов юагиры знали, но до прихода русских применяли для получения такого дыма не трубки, а лишь помещение растений на угли, трубки же узнали от русских вместе с табаком.

¹⁰ Родовым самоназванием племенного единства верхнеколымских юагиров было *когимэ*, «вороньи люди» [Долгих 1960: 421, ФЮ: 14], территориальным – *онмунды*, «люди реки Онмун» = Колымы [Иохельсон 1898а: 257] (иной вариант, также записанный В.И. Иохельсоном – *Онмун омни* с тем же значением, – приведен со ссылкой на В.И. Иохельсона в [Долгих 1960: 420]. *Онмун*, вар. *Унмун* – основное именование Колымы у верхнеколымских юагиров). Очевидно, именно название *онмунды* передано как «ононги» и «ононзи» в одном русском документе середины XVII в., где говорится о неких неясных «ононги» (чуть ниже в том же документе это название пишется как «ононзи»), обитающих южнее истоков Алазеи на Алазейском плоскогорье между Алазеей и Колымой [РГАДА. Ф. 1177. Оп.2. Ст.6. Л.19]. В русских источниках XVII в. верхнеколымское юагагирское племенное единство выступает и под другими именованиями: «верх-ковымские юагири» в документе с сообщением П. Новоселова и К. Ружникова [РГАДА. Ф. 1777. Оп. 2. Ст.6. Л.24; Долгих 1960: 420] и «верховские» (в противопоставление нижнеколымским омокам) юагиры в челобитье Михаила Стадухина, Дмитрия Зыряна и др. [Полевой 1965; РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Д. 650. Л.1–3]. Общие сведения об этом объединении, его территории и его границах с нижнеколымским объединением юагиров-омоков см. в: [Долгих 1960: 409–423].

указанной линии) с юкагирами-верхнеколымцами, а на северо-востоке – с ходынцами. Набеги коряков, с которыми боролся Халандин, должны были быть устремлены от корякско-юкагирского рубежа к Колыме (карта 1)¹¹.

Как представляется, датировку этих событий можно уточнить: по разрозненным русским источникам создается впечатление, что в конце 1660-х – 1680-х гг. имела место вспышка экспансии коряков упомянутого выше и смежных приохотских ареалов, включавшая враждебные действия коряков именно в направлении Колымы и против верхнеколымских юкагиров, однако после 1690-х гг. такие набеги были существенно затруднены – приохотские коряки, смежные с бассейном Колымы, были довольно прочно объясачены. Приведем соответствующие данные:

1) В середине 1660-х на Омолоне при устье р. Барановой функционировало так называемое Чендонское зимовье, куда собирали ясак с юкагиров-ходынцев Омолона и Пенжины (верхнее течение последней наряду с другими реками, в том числе Гижигой, также называлось Чендон, по-юкагирски «верхняя река, верхнее течение реки»). Эти ходынцы периодически платили ясак в разных пунктах с 1650 г., и почти все это время коряки как будто в связанных с этим документах не упоминаются [см. Долгих 1960: 412 сл.]¹². В 1666 г. в Чендонское зимовье был переведен один из верхнеколымских юкагирских аманатов Верхнеколымского зимовья, и его род, а именно Нартицын, в 1666 и 1667 гг. платил под него ясак в Чендонское зимовье на Омолоне [Долгих 1960: 413, 423]. Это должно означать, что территориальной субгруппе юкагиров-верхнеколымцев, к которой относился этот аманат, т.е. Нартицыну роду, стало по каким-то недавно появившимся причинам неудобно платить ясак в Верхнеколымском зимовье, где Нартицын род делал это все предыдущие годы, – иными словами, пути от постоянной зоны его кочевания к Верхнеколымскому зимовью, по которым туда и прибывали плательщики ясака из этого рода, стали для них почему-то трудны и/или опасны, – и им дали возможность платить ясак в Чендонское зимовье на Омолоне, куда им стало теперь проще и безопаснее приходить. Вероятная причина подобной перемены могла состоять либо в том, что на путях из зоны кочевания Нартицына рода к Верхнеколымскому зимовью стали появляться какие-то враги, либо в смене самой его зоны кочевания (так что теперь последняя

¹¹ Не исключено, что эти набеги достигали даже левобережья средне-нижней Ясачной (а именно, Рассохи и Мамоты), см. с. 35, прим. 33.

¹² В утверждении, что осенью 1654 пенжинские коряки напали на омонских ходынцев – родичей князца Чекчоя [Зуев 2002: 205], вкралась неточность: нападение имело место, но Чекчой и его род обитали не на Омолоне, а где-то «за Камнем» от Анюя [ДАИ IV № 6. С.15], сам Чекчой был встречен и захвачен русскими «вверху Анюя реки на Камени» (очевидно, том же самом), причем от этого места до обитания рода Чекчоя было 2–4 дня пешего хода (см. в отписке Семена Дежнева от апреля 1655 г. [Самойлов 1945: 126]).

была намного ближе к Чендонскому зимовью, чем к Верхнеколымскому) – но на такие смены привычных мест обитания обычно и шли не по своей воле, а по необходимости, и одним из наиболее вероятных факторов создания такой необходимости были, опять-таки, набеги врагов. Запись в русском документе гласит, что в 1668 г. люди Нартицына рода – плательщики Чендонского зимовья уже не заплатили ясака, «потому что у них неясачные иноземцы коряки олени [=оленей] отгоняли и от [Чендонского] ясачного зимовья удалили [=заставили удалиться, так что те уже не могли приближаться к зимовью из страха перед коряками]» [Долгих 1960: 413, 423]. Таким образом, в 1667/1668 г. коряки нападали на верхнеколымских юкагиров, угоняли у них оленей и вторгались в их земли так глубоко и часто, что те не рисковали больше отправляться к Чендонскому зимовью на Омолоне. В свете этого весьма вероятно, что и те помехи или угрозы, которые к 1666 г. мешали обсуждаемой группе верхнеколымцев достигать Верхнеколымского зимовья, также были созданы набегами коряков. В 1668 г. аманаты и большая часть служилых Чендонского зимовья умерли от голода, а остаток служилых бросил зимовье и ушел на Колыму; через несколько лет новое Чендонское зимовье поставили уже на Пенжине, не пытаясь возвратиться на Омолон [Долгих 1960: 413]. И голод, и особенно забрасывание зимовья и отсутствие попыток занять его снова следует объяснять скорее частым появлением или постоянным присутствием в этом районе врагов (из-за чего юкагиры отошли далеко от зимовья, а люди из самого зимовья не рисковали делать дальние вылазки для добывания пищи), чем некими чисто природными факторами. Такими врагами в свете процитированного выше сообщения были бы, вероятнее всего, коряки.

2) Пенжинские коряки-чавчулены также оказывались активны. Осенью 1654 г. они успешно напали на ясачных ходынцев, живших при водоразделе Анюя и Пенжины [Долгих 1960: 432; ДАИ IV № 6. С.15; №7. С.22], те жаловались русским в Анадыре, и последние ходили на пенжинских коряков карательным походом. В начале 1670-х гг. на Пенжине, в земле пенжинских ходынцев и поселившейся при Пенжине группы чуванцев, поставили новое Чендонское зимовье, и сначала дела в нем шли беспрепятственно¹³, однако в 1673 г. приказчик пенжинского Чендонского зимовья Андрей Щипунов по каким-то причинам бросил его и ушел на Омолон; сменивший Щипунова Василий Бурлак, встретив его на Омолоне, вновь занял Чендонское зимовье на Пенжине, но в 1676 г. сам бросил его (оправдываясь впоследствии голодом) и с остатком людей ушел в Якутск, куда прибыл летом 1677 г. Из Якутска немедленно послали занять Чендонское зимовье Василия Пермяка, но в 1679 г.

¹³ «...те Юкагири при Андрее Щипунове на Пенжине сами к зимовью приходили и аманатов давали» [ДАИ VIII № 44:xviii. С.177]. Щипунов был приказчиком Чендонского зимовья на Пенжине до 1673 г.

посланный на Пенжину ему на смену Михаил Ворыпаев нашел и его отнюдь не на Пенжине, а на верхнем Омолоне; затем Ворыпаев пришел все же на Пенжину и поставил там еще одно, новое Чендонское зимовье на р. Часовишной [ДАИ VIII № 44:xviii и ДАИ VII № 23:ii]. Юкагиры избегали контакта с зимовьем и не платили ясак еще с 1673 г., и Ворыпаев также их не нашел. Зато Ворыпаев сразу же столкнулся на Пенжине с коряками, и в 1679–1680 г. воевал с ними, причем в 1680 г. коряки дважды нападали на само его зимовье [ДАИ VIII № 44:xviii. С.176; ср. Зуев 2002: 218]. В 1682 г., уже после Ворыпаева, очередной приказчик Чендонского зимовья вновь бросил его, теперь уже навсегда, причем после Андрея Щипунова (т.е. с 1673 г.) там так и не видели юкагиров, хотя и пытались их разыскивать, и не получали ясака [Долгих 1960: 413]. Складывается впечатление, что именно активность коряков была главной причиной, затруднявшей с 1673 г. русское присутствие на Пенжине, и одним из факторов (наряду с естественным желанием самих юкагиров уклоняться от выплаты ясака), приведших к отливу из этого района юкагиров.

3) Коряки юго-западной оконечности коряцкого приохотского ареала – района Сиглана и Ямы – резко активизировались в 1680-х гг. В 1684–1689 гг. они не раз атаковали смежных приохотских тунгусов-эвенов [Зуев 2002: 220–221, 223].

4) Зато в 1691–1696 гг. с Колымы, из Верхнеколымского зимовья, в землю пограничных приохотских коряков (на р. Вилигу и Тобон, т.е. вплоть до моря) было направлено несколько русских военных походов – предпоследний (1696 г.) кончился провалом, последний (в том же 1696 г.), под предводительством Дмитрия Потапова (уже ходившего сюда из Верхнеколымского зимовья в 1691 г. и далее) привел к прочному объясачиванию большого количества коряков, и позднее Потапов, возвращаясь отсюда, привез в Якутск «Книги зборные ясачные коряцкие земли» с перечнем собранного им с завоеванной территории ясака за 205–206 гг. (сент. 1696 – авг. 1698 гг.) [Полевой 1997 2: 63; Зуев 2002: 224, 227]. Пенжинские коряки были покорены, как известно, из Анадыря в 1696 – 1697 гг. [Зуев 2002: 227 сл.]. Таким образом, в 1696–1697 гг. коряки Приохотья прочно попали под русскую власть.

После этого положение приохотских коряков, судя по всей совокупности наших источников, было уже не таким, чтобы они могли совершать успешные набеги на Колыму; отныне их активность вне их коренных территорий в источниках как будто не упоминается. При этом вообще любые контакты коряков с юкагирами отражаются в источниках крайне редко – очевидно, потому, что они и были редкими [Вдовин 1973: 266–269]. На этом фоне то, что, с одной стороны, у нас имеются разрозненные данные о наступательной активности приохотских коряков в конце 1660-х – 1680-х гг. – в том числе непосредственно о нападении или нападениях их

на верхнеколымских юкагиров в конце 1660-х гг.! – а, с другой стороны, обстановка после 1696–1697 гг. была уже мало подходящей для таких нападений (и с этого момента коряки предстают в наших источниках или покоренными, или безуспешно восстающими и сопротивляющимися на своей собственной земле), – все это в совокупности позволяет с наибольшей вероятностью датировать время действия преданий о Халандине как герою борьбы верхнеколымских юкагиров с набегами коряков промежутком от середины 1660-х до конца 1670-х / 1680-х гг. (причем к числу этих набегов относится, вероятно, и тот, что был отмечен русским документом как налет коряков на Нартицын род в 1667/1668 г. [см. о нем выше, с. 12, и Долгих 1960: 413, 423]). То, что один из рассказов В.Г. Шалугина делает Халандина учеником Атыляхана (видимо, это Атыляхан, сын Табушкана, реально живший несколько позже, см. выше, с. 8 сл.) этой датировке на деле не противоречит, так как верхнеколымский юкагирский фольклор помещал самого Атыляхана, сына Табушкана, на 1640-е гг. (с. 9), так что его «ученик» и оказался бы деятелем 1660-х – 1680-х гг., а именно этим временем мы только что датировали Халандина по сообщениям о его борьбе с набегами коряков.

Второй устойчивый мотив преданий о Халандине – то, что он сам нападал на группы эвенов (т.е. восточных тунгусов – «ламутов» в источниках XVII в. и далее) и захватывал у них добычу. Характер реализации этого мотива в различных сказаниях привел нас к следующим выводам (см. подробно с. 78–89 ниже). На момент формирования эпоса о Халандине эвены были пришельцами, занявшими относительно недавно юкагирские земли и теперь обитавшими на них (хотя активная фаза самого эвенского нашествия уже закончилась¹⁴), так что действия Халандина против них не нуждались для сказителя в каком-либо дополнительном обосновании. Впоследствии, когда с момента эвенского расселения на земли, принадлежавшие до того юкагирам, прошло достаточно много времени, уже не заполненного эвенско-юкагирскими конфликтами, эвены стали восприниматься верхнеколымскими юкагирами как обычные соседи и симбиоты; между ними происходили и процессы двусторонней ассимиляции. В результате на каком-то этапе бытования традиции о Халандине атаки этого героя против эвенов оказались для очередных поколений верхнеколымских юкагирских сказителей, уже не воспринимавших эвенов как врагов, определенной проблемой. Разные сказители решали эту проблему по-разному: одни просто опускали нападения Халандина на эвенов; другие могли по-прежнему приводить их без комментариев; третьи рассказы-

¹⁴ Это видно из того, что и в реконструируемой нами исходной версии сказаний о Халандине, и в подавляющем большинстве наличных их вариантов эвены – просто чужаки, обитающие по соседству, но не наступающие на юкагирские земли и не нападающие на юкагиров.

вали о них, но уже не без нот упрека (или даже прямого осуждения) в адрес Халандина за неспровоцированные нападения на чужаков, не делавших юкагирам никакого упоминания в данном предании зла; четвертые примыслили, что те эвены, с которыми у Халандина по сюжету происходили столкновения, перед этим сами агрессивно нападали на юкагиров, так что выходило, что агрессоры в этих конфликтах именно соответствующие эвены, а не Халандин.

Сказанное вполне согласуется с предложенной выше датировкой формирования эпоса о Халандине 1660-ми – 1680-ми гг. В это время эвены действительно были относительно недавними пришельцами на юкагирских землях, занявшими их силой (см. карту 1 на с. 144 и пояснения к ней; расселение эвенов на некоторые юкагирские земли продолжалось и во второй половине XVII в. [Гурвич 1966: 267–268, 271]), в то время как XVIII – XIX вв. стали эпохой нарастающего смешения и симбиоза юкагиров и эвенов в самых разных регионах.

Согласно В.И. Иохельсону, еще в конце XIX в. верхнеколымские юкагирские предания, которые ему сообщали сами юкагиры, рассказывали «что юкагиры были отважными и беспощадными на полях сражений, что они преследовали тунгусов как диких зверей» [Иохельсон 2005: 87]; под тунгусами в данном случае имеются в виду именно восточные тунгусы, эвены-ламуты. Означает ли это, что во времена В.И. Иохельсона агрессивные действия героя эпоса против эвенов еще никаких затруднений у сказителей и аудитории вызывать не могли, и упомянутые выше видоизменения в восприятии вражды Халандина с эвенами произошли еще позже, т.е. уже в XX в.? Едва ли. Из текстов верхнеколымских преданий, которые приводит сам В.И. Иохельсон, становится ясно, на каком фоне возникло у него процитированное выше общее впечатление: в верхнеколымских юкагирских преданиях те ламуты, с которыми ведется вражда, не просто живут рядом, а приходят во множестве нашествиями, «как комары», и нападают на юкагиров [Иохельсон 1900 № 31: 94–97; № 52: 127–128]; именно в связи с этим юкагиры истребляют множество ламутов, отражая их атаки или разыскивая их на походе. Однако, согласно одному из этих преданий, юкагиры, отразив и устранив нападавших на них ламутов, вызвали с их стороны предложение мира и согласились на него. Обе стороны поклялись до конца времен не делать ничего плохого («острого») друг другу и не убивать друг друга. Эта клятва осталась нерушима: «С тех пор не убивают друг друга» [Иохельсон 1900 № 52: 127–128]. Таким образом, сообщения о вражде с ламутами и убийстве ламутов мыслились в юкагирских преданиях относящимися лишь к периоду отражения ламутских нашествий, до момента заключения вечного мира; мотив ожесточенной вражды с ламутами был связан в юкагирском фольклоре именно с отражением указанных ламутских на-

шествий, а не с представлениями о каких-либо неспровоцированных нападениях самих юкагиров на ламутов. Для таких нападений в доминирующей к концу XIX в. историко-эпической схеме верхнеколымских юкагиров (выясняющейся по материалам В.И. Иохельсона) как раз не остается места: до заключения вечного мира юкагиры отражают нашествия ламутов, а после него вражды нет вообще. Характерно, что в записанном В.И. Иохельсоном предании о Халандине (см. ниже, с. 20) его противник – именно богатырь-ламут и при этом не говорится, как именно Халандин оказался в конфликте с ламутами; но выступает этот ламут в точности в той сюжетной роли, в которой в подавляющем большинстве вариантов преданий о Халандине выступает богатырь чужеплеменников, совершающих на юкагиров систематические нашествия. Очевидно, и в записанном В.И. Иохельсоном предании борьба Халандина с ламутами мыслилась в контексте отражения нападений врагов (просто в роли таких врагов в данном рассказе выступали ламуты, а не коряки).

Итак, уже к концу XIX в. среди верхнеколымских юкагиров были распространены представления, по которым юкагиры убивали ламутов-эвенов, лишь борясь с их нашествиями, а не нападали на них неспровоцированно сами (общими историческими корнями этих представлений было то, что эвены действительно расселялись в XVI – XVII вв. по юкагирским территориям и занимали их). На этом фоне у сказителей действительно могли возникать затруднения с теми рассказами о нападениях Халандина на эвенов, где не приводилось никаких оснований для вражды к последним (так что указанные нападения начинали выглядеть как агрессия Халандина, которой эвены – его жертвы ничем на себя не навлекали).

В некоторых вариантах преданий о Халандине в роли его врагов могут выступать и чукчи (как союзники коряков или сами по себе, см. с. 61 слл.). Этот мотив в общем виде отражает события чукотских набегов и русско-чукотских войн с участием коряков и юкагиров (на русской стороне) в XVIII в. и раньше этого времени появиться в предании не мог (с. 62). Однако сравнительный анализ текстов о Халандине показывает (с. 61), что в традиции о нем само участие чукчей – позднейшее добавление (введенное, видимо, как раз под впечатлением от указанных событий XVIII в.), не имеющее отношения ко временам формирования этой традиции, а в исходном ее виде врагами Халандина, нападающими на юкагиров, были только коряки.

Рассказы о Халандине рисуют мир, почти лишенный железа (с. 108), и полностью лишенный огнестрельного оружия. Это задает надежные, но, к сожалению, очень широкие хронологические рамки для формирования сюжетов этих рассказов (вплоть до конца XVIII в.). Вероятно, почти столь же широкие рамки (не позже начала XVIII в.) задаются полным

отсутствием в рассказах о Халандине упоминаний русской администрации и военных сил и их участия в действиях против врагов, нападающих на юкагиров (русские вообще упоминаются в текстах о Халандине только один раз – в VII.5b, и не в качестве участников событий или представителей власти – речь просто идет о русских охотниках, оставивших в свое время охотничье строение-ловушку неподалеку от местожительства Халандина). Между тем уже в XVIII в. русский контроль над регионом был достаточно разветвлен и прочен, чтобы русская власть не осталась в стороне от борьбы с опустошительными набегами коряков на юкагиров, описываемыми в традиции о Халандине, а приняла в этой борьбе достаточно активное участие, которое едва ли оказалось бы совершенно забыто в названной традиции.

ТЕКСТЫ

В известных нам работах присутствует 9 публикаций сообщенных исполнителями преданий о Халандине: один рассказ от Н. Самсонова (1896 г.), один – от неизвестного информанта (1959 г.), остальные – 1980-х – 2000-х гг.: один от И.П. Долганова, четыре (с существенными различиями) – от Н.М. Лихачева, два (с существенными различиями) – от В.Г. Шалугина. Еще три текста: рассказы Н.М. Лихачева и А.В. Слепцовой, записанные П.Е. Прокопьевой в 2000-х гг., и рассказ Д.Г. Дьячкова, записанный Л.Н. Жуковой в 1987 г. (его пересказ был помещен в [Хозяин земли 1994: 81–83]), – впервые публикуются ниже. Существуют еще две неопубликованные записи текстов о Халандине (обе – авг. 1988 г.): рассказ М.С. Волковой, записанный П.Е. Прокопьевой, и еще один рассказ В.Г. Шалугина, записанный Л.Н. Жуковой (см. ниже, с. 23, комм. к рассказу II). Добавим, что в 1989 г. П.Е. Прокопьева записала рассказ коркодонского юкагира, знатока родного фольклора Н.Н. Дьячкова (1912 г.р.) на якутском языке о военных столкновениях юкагиров с иноплеменниками; в 2002 г. при помощи А.Е. Шадринной (1930 г.р.) этот рассказ был переведен на юкагирский и русский языки. В записи много неясных моментов, и публикация этого текста – дело будущего. Рассказ содержит ряд эпизодов, в том числе сюжет о юкагирском и чукотском богатырях, подобный сюжету о Халандине (имя юкагирского богатыря при этом звучит нечетко, и его нельзя разобрать, но это во всяком случае не Халандин / Халадыл). Юкагир здесь демонстрирует чукче (тот одет в железную одежду) свой длинный нож, наточенный с двух сторон. Враг удивляется тому, что его спутник носит такой острый нож, и говорит, что еще не видел такого. Юкагир просит чукчу («ты моложе меня») подать ему два тальника, чтобы поковыряться в зубах. Когда чукча поднял руку, чтобы срезать тальник, юкагир вонзает ему в подмышку – незащищенное место – нож. Текст содержит и еще один известный по сюжетам о Халандине мотив: герой говорит дочери, чтобы она, в случае если он вернется со спущенными вниз торбасами, отрезала поводья у четырех оленей своей «подруги», дочери богатыря-чукчи (отметим, что текст содержит много конкретики относительно численности людей, оленей), и привязала их к своим. Видимо, этот рассказ надо рассматривать как контаминацию или вариант предания о Халандине с выпадением или заменой имени героя.

Следует подчеркнуть, что один и тот же рассказчик может приводить в разное время существенно разные варианты преданий о Халандине (или с разными деталями излагать один и тот же сегмент фабулы).

При помещении опубликованных ранее текстов о Халандине мы оставляли комментарии и замечания первопубликаторов вместе с их

знаками выделения, так что ниже, на с. 20–60, восстановления в квадратных и круглых скобках (как и вообще весь текст, кроме лемм, текста в косых скобках и примечаний внизу страницы) принадлежат воспроизводимым нами публикациям, а леммы, текст в косых скобках и примечания внизу страницы – нам. В остальных частях настоящей работы текст в квадратных и круглых скобках также принадлежит нам.

Для удобства ссылок на те или иные части повествований мы выделяли в каждом тексте надстрочными индексами на сером фоне сюжетно-тематические сегменты. По этим индексам на соответствующие сегменты даются ссылки здесь и ниже, в том числе в наших комментариях (с. 61 и далее), помещенных после приведения всех текстов. Римская цифра в ссылке указывает номер текста в настоящей сводке, следующие за ней арабские цифры – номера сегментов согласно нашему выделению.

Заранее оговорим, в каких местах приведенных ниже рассказов содержатся следующие тематические элементы:

сообщения о семье и родственных связях Халандина (помимо центрального эпизода, упоминающего его родных): II.2; II, комм. и прим. 2 публикаторов; III.1; VII.6; IX.3, 7–8; X.1, 7, 9, 12, 16;

центральный эпизод эпоса – хитроумное убийство Халандином вражеского богатыря: I.2; II.3b; III.2; IV.2; V.5; VII.7–8; VIII.5; X.15; XI.3a–e;

предание о трех нашествиях коряков, не упоминающее Халандина как такового (и служащее введением к повествованию о борьбе Халандина с коряками): V.1–4; VII.1–4;

сообщения о старости и смерти Халандина: II.5; II, прим. 5 публикаторов; V.6; VI.1; X.16.